Берхеев Дамир

Эра водолея

Дамир Энверович Берхеев
Эра водолея

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17408625
Эра водолея / Дамир Берхеев: Книжкин дом; Москва; 2016

Аннотация

Это вторая книга про детектива Алекса Фитцжеральда, пользующегося нетрадиционными методами раскрытия преступлений вроде телепатии и гипноза. В этой книге он раскрывает череду террористических актов, произошедших в городе. Ничем несвязанные на первый взгляд исполнители, будучи при жизни законопослушными гражданами, врываются в общественные места, шепча слова апокалипсиса, и учиняют террор. Ни одного из них не удается взять живым. За расследование берутся бывшие напарники…

Дамир Берхеев
Эра водолея

На задних лапках человек
Ступает горделиво,
Гоняясь тщетно целый век
За вольностью счастливой.
Но много бед в погоне той,
Падения нередки,
Пред своенравною судьбой
Мы все – марионетки.

Пьер Жан Беранже

Текст книги представлен в авторской редакции. Редакция не несёт ответственности за содержание авторских материалов и не предоставляет гарантий в связи с публикацией фактов, данных, результатов и другой информации.

Эта странная… вечная… одинокая ночь, длившаяся уже несколько веков, стала для него домом. Он не помнил ни своего настоящего имени, ни земного крова, ни прошлого…

Его господин пролил истину только на то, что он был когда-то гладиатором – воином, развлекающим толпу в смертельных поединках… Затем он продал душу Дьяволу, однако не после смерти, как полагается, а находясь еще в Земном царстве. Воспоминания Гладиатора поблекли и затерялись

в веренице времени. Единственное, что помнил воин – как нужно убивать.

Он снова проснулся в своей небольшой хижине, построенной в центре бесконечной степи. Окно пропускало лунный свет, озарявший небольшое строение. Гладиатор в очередной раз взглянул на свою скромную обитель: деревянная кровать с мягкой соломой, отдающей запахом пыли, небольшой стол, который был самой бесполезной вещью, так как хозяин дома не питался обычной едой, развешанные черные доспехи, плащ цвета ночи, огромный серебряный меч и длинный кнут, скованный из звеньев цепи.

Встав с кровати, он почувствовал прилив голода. Сжимая и разжимая кисти рук, Гладиатор будто проверил наличие силы в своих мускулах, затем вынул из ножен меч и ловкими движениями начал рассекать воздух, наполняя хижину звоном серебра. Бросив взгляд на лезвие оружия, он увидел свое отражение – накаченное тело со смуглой кожей, кроваво-блестящие глаза, с омутом полного спокойствия, и молодое лицо без шрамов и повреждений.

Неспешно надев амуницию, парень вышел за порог своего дома. Бескрайняя степь с легким ветерком и одинокая луна, нависшая на том же самом месте в полотне темно-синего небосвода, встречали Гладиатора. Единственным живым существом в мертвом пространстве был верный конь, привязанный к деревянному столбу близ дома. Черный, как смоль, он рыл копытами землю, покачивая продолговатой головой

из стороны в сторону, будто выдавливал из себя слова, приговаривая своему хозяину: «Я готов к очередной битве… Помчались в ад».

И всадник, чувствуя призыв верного жеребца, по обыденному распорядку вновь вскакивал на седло и мчался по сухой степи, оставляя за собой лишь облака пыли.

Быстрая езда – то немногое, от чего он получал истинное удовольствие в своей жизни. Черный плащ развивался по ветру в ночной тиши, степная пыль раскалялась и превращалась в огонь… Это означало только одно – через мгновение всадник перенесется в преисподнюю. Как только всадник распутал кнут, раскалившийся докрасна, он оказался в Долине мертвых. В очередной раз Гладиатор попал в самое пекло битвы и одним взмахом цепью огненного кнута перерезал десяток тел, навечно впутанных в эту бессмысленную битву. Промчавшись по трупам, он собрал солнечный свет, выпархивающий из поверженных тел. Солнечный свет, впитывающие его доспехи, и был пищей для всадника. Обматывая обратно кнут, он брался за меч и снова кромсал уже поверженных. Для него сопротивляющиеся обитатели ада были лишь тренировочными манекенами и солнечной пищей, так необходимой для существования.

Бесчисленные убийцы, бесчисленные убитые, бесчисленные грешники… Выждав пока останутся сильнейшие и стойкие, на арене ада появлялся хозяин. У него было много обличий – пока он представлял собой огромное чудовище, взма-

хом своих огненных лап сметающее все на своем пути. Но недолго просуществовало чудовище – прорычав на всю долину, он превратился в огненный смерч и начал уничтожение Долины мертвых. Пламенная стихия все набирала обороты, увеличиваясь в размерах, и в скором времени судьбы, жизни, время, смысл и все то, что означает жизнь – кануло в огне. Гладиатор, насытившись грешными душами, знал, что вскоре проснется в своей хижине и вместо горящей долины, кишащей смертельными поединками, его встретит лунная ночь с мертвой тишиной и полным одиночеством…

Однако на этот раз всадник остался стоять там же, где и стоял. Это могло означать только одно – хозяину что-то нужно от него. Огненные стены и длинная пепельная дорога привели всадника к Дьяволу. На сей момент, он принял обличье человека. Гладиатор, как полагается, спрыгнул с седла, обнажил свой меч и встал на колени перед властелином ада.

– Я понадобился тебе, господин, – не смотря на Дьявола, спросил, Гладиатор.

– Да, мой сын, – опираясь об огненный трезубец, ответил старик в черной мантии и с такими же кроваво-блестящими глазами. Пока он выглядел измученным и полностью лишенным силы.

– Скажи мне… Ты не устал от вечного однообразия?

– Нет, – коротко ответил Гладиатор.

– То есть тебя все устраивает?

– Да.

– Просыпаться в вечной ночи, снаряжать себя и своего коня, а затем убивать, дабы утолить неизведанный голод, а затем вновь просыпаться в одинокой обители. И так изо дня в день… Точнее из ночи в ночь…

– Да, господин, – покорно ответил тот. – Меня все устраивает.

– Я тебе искренне завидую… – голос говорившего из хриплого стал более бодрым, а сам старик начал молодеть. – Но эти огненные стены начали надоедать мне… – покрутив трезубец в руке, он добавил. – Я бы хотел попросить тебя об одной услуге… В награду я покрою твою степь густым лесом, где ты сможешь охотиться… Поверь мне, я знаю, что ты угнетен не каждодневным однообразием, а одиночеством…

– Все что угодно, господин, – не поднимая головы, произнес Гладиатор.

– Я отправлю тебя в Земное царство.

* * *

Один из крупнейших музеев Нью-Йорка – Метрополитен-музей в субботнее ноябрьское утро был переполнен посетителями. Огромное здание в неоготическом стиле в бело-золотом тоне изнутри придавало чувство уюта и шика, несмотря на прохладную погоду, царившую снаружи. Туристы и местные жители, самостоятельно и с помощью гидов-экскурсоводов лицезрели творения фотографов Уолке-

ра Эванса, Дианы Арбюс, Альфреда Стиглица, изучали коллекции Леонарда Лаудера, в том числе и картины Пикассо, входившие в число его коллекции. И, конечно же, никто не мог пройти мимо отдела «Оружие и доспехи», количество предметов которого превышало более четырнадцати тысяч наименований, среди которых украшенные самоцветами оружия Османской империи, доспехи короля Англии Генриха VIII, короля Франции Генриха II и императора Фердинанда I.

Эти и многие другие отделы, включающие в свой список американские декоративные искусства, древнее ближневосточное искусство, искусства Африки, Океании и Америки, музыкальные инструменты и многие другие, ежегодно посещали более шести миллиардов людей, но сегодняшнее утро казалось било рекорды по числу посетителей.

Для входа в музей нужно было пройти в кассу и купить жетон с эмблемой Метрополитена, который прикреплялся к одежде, чтобы смотрители видели, что билет оплачен. Цвет жетонов менялся каждодневно, сегодня он был желтым. Среди множества томящихся в очереди людей, всегда можно выделить одного…

Мужчина средних лет в длинном грязном плаще черного цвета с капюшоном что-то бормотал себе под нос, скрывая свое лицо. Охранники сосредоточили свое внимание именно на нем. Лишь находящиеся близ него слышали строки из Библии, приговариваемые незнакомцем: «*И вдруг, после*

скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого грядущего на облаках небесных с силою и славой великою; и пошлет Ангелов своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их…»

Нашептывая эти слова, он прошел мимо кассы и прямиком направился в музей. Охранники рванулись задерживать мужчину в плаще, сразу же после того, как запищали охранные приборы-металлоискатели. Рослые секьюрити не могли совладать с мужчиной среднего телосложения. Взяв за ворот одного из нападающих, мужчина в плаще отшвырнул его в ревущие сиреной приборы, заставив все же замолчать устройство. Второй охранник влетел в ближайший музейный экспонат. Пока подобно стеклянному дождю сыпалась витрина, одержимый раскрыл плащ и представил окаменевшей от шока публике перевязанное гранатами тело и блестящих серебром пару пистолетов. Приговаривая слова апокалипсиса, мужчина начал пальбу по бесчисленному скоплению людей. В панике они бежали кто куда, еще больше мешая друг другу спастись. Выстрел за выстрелом – люди падали, будто выборочно, нагоняя ужас и безысходность. Когда вместо боевых выстрелов послышались пустые щелчки, мужчина в плаще хладнокровно засунул оружие в карман и начал вы-

дергивать по одной гранате из грозди связки, бросая вдоль комнат. После оглушительных взрывов, начали разлетаться части человеческих тел, музейных экспонатов, отколовшиеся куски белых колон, горящие обрывки фотографий и художественных полотен. Мирная картина, господствующая три минуты назад в стенах музея, обернулась кровавым триллером.

Ему был безразличен творящийся ужас, бегство посетителей, последние вздохи умирающих. Вынув чеку из последней гранаты, одержимый бросил ее себе под ноги. Все приговаривая слова из Библии, он отправился на тот свет вместе со своими жертвами. Трагическая ирония привела его из музейной очереди в очередь постояльцев преисподней.

* * *

– Черт бы побрал этот сумасшедший город! – с силой бросив утреннюю газету на стол, прокричал начальник полиции.

Билл Харрис всегда представлял собой спокойствие. Находясь уже в возрасте, о чем подсказывала его серебристая прическа, он редко выходил из себя, возможно из-за этого, а также включая послужной список раскрытых дел, он носил звание капитана и числился на должности начальника департамента полиции. Однако несколько взрывов и перестрелок, всколыхнувшие город, пошатнула спокойствие даже такого умеренного офицера, как Билл Харрис.

Собрание проходило не в кабинете, а в рабочем помещении. Порядка двухсот офицеров, сержантов и рядовых собрались для прослушивания объявления.

– Здравствуйте, офицеры и сержанты, – начал Билл, одетый, как и многие в белую рубашку и черные штаны, – не знаю, что происходит в нашем городе, но череда террористических актов заполонила город. Связи между преступлениями нет. Люди не знакомы друг другу, происшествия происходят в разных районах Нью-Йорка. Преступниками являются местные жители, подрывающие себя и устраивающие массовые перестрелки. На данный момент зафиксировано четыре таких происшествий, унесших 114 гражданских жизней. Террористические акты были тщательно спланированы, их источники самоликвидированы. На расследование брошены лучшие детективы и полицейские страны совместно с Федеральным Бюро Расследований. Дабы обезопасить город, всеми полицейскими департаментами было решено вывести всех полицейских на городской патруль. Исключением остаются только дежурные на телефоне. Всем остальным получить амуницию и средства связи.

– Когда начинать? – среди гула перешептывания появился первый вопрос.

– Прямо сейчас, – кратко ответил Харрис.

– И до какого времени это продлится?

– Пока неизвестно, но вам ответят.

– А что делать с начатыми расследованиями?

– Пока отложить их, – и чуть громче капитан добавил. – Жизнь и спокойствие наших горожан должны быть на первом месте. О всех подозреваемых лицах и происшествиях сообщать своему непосредственному начальнику. Есть ещё какие-то вопросы?

Перешептывание прекратилось и все замерли, ожидая команды от капитана.

– В таком случае, еще раз повторюсь, все в очередь на получение оружия, амуниции и средств связи.

Публика в погонах синхронно поднялась со своих мест и направилась в комнату хранения оружия. Только один человек остался сидеть на своем месте.

Коренастый крепыш с массивным подбородком и смуглой кожей походил больше на гангстера, чем на заместителя начальника департамента полиции. Лейтенант Митч Томсон, двадцати семилетний коп, с боксерской внешностью по количеству раскрытых дел в своем послужном списке перегонял более пожилых и отъявленных детективов. Рожденный в Бронксе и воспитанный улицей, он знал правила Нью-Йорка по ту сторону закона. Однако происходящая анархия никак не вписывалась ни в разряд войн между группировками, ни в межрасовый терроризм… Не было понятно ничего. Полное отсутствие мотива и зацепок деморализовало всю полицейскую структуру города. Помимо подключения «федералов» и организации круглосуточных городских патрулей больше нечего было сделать.

– Пойдем, Митч.

– Пойдем, Билл.

Стеклянное окно двери кабинета начальника полиции закрылось опущенной жалюзи. Митч остался у двери, когда начальник устало обошел массивный стол и уселся за кожаное кресло. Одной рукой он отодвинул стопку бумаг, второй налил себе воду из графина.

– Что-то случилось? – вопрос был неуместным, учитывая что творилось в городе, но он больше касался самого капитана.

– Да, Митч, – ответил седовласый мужчина. – Это моё последнее дело. Как его раскрываем – ухожу.

– Ясно… – по лицу лейтенанта всегда было сложно прочесть эмоции. – А куда?

– В Вашингтон…до этого кошмара меня уже пригласили в местный департамент.

– Думаешь там лучше?

– Не исключено, но я по семейным обстоятельствам. Матери Фелиции стало хуже с момента кончины её мужа, а переезжать в Нью-Йорк не хочет.

– Хах…Упертая баба, – к бестактности подчиненного начальник уже успел привыкнуть за годы работы.

– Точнее не скажешь…Да и обстановку нужно поменять.

– На какую должность?

Заместитель департамента полиции.

– Может, останешься, Билл? Просто махнемся должно-

стями и всё.

– Я бы с радостью… – он посмотрел на лейтенанта, стоящего у двери и тихо добавил – Сможешь подключить к этому расследованию Фитцджеральда? Вы же всё-таки друзья.

– Пожизненные напарники, – сухо добавил Митч. – Я свяжусь с ним.

* * *

История человечества, кладезь эпох, тома истины и лжи хранились в этой библиотеке. Хотя к числу знаменитых библиотек, таких как Александрийской, Библиотеке Конгресса или Библиотеке святого Флориана ее нельзя было отнести, но это небольшое здание на углу Бродвея представляло собой довольно таки уютное место для отрешенности от мира реальности и в погружении в неизведанный мир странствий, космических пространств, в просторы отдаленных или уже погребенных эр, в мир экшена или романтики. С каждой прочитанной книгой детективу Алексу Фитцжеральду казалось, что он на сотую долю приблизился к разгадке тайн человечества, но осилив очередную книгу современника того же автора, читатель понимал, что каждый писатель по сути лжец. И чем красивей он лгал, тем известнее и востребованнее был у своей публики.

В небольшом здании библиотеки с занавешенными окнами было сложно определить какое время суток господствует

на улице. Изумрудно-коричневый интерьер предавал определенную атмосферу уединенности и спокойствия. Из дюжины расставленных столов с мягкими стульями и со светильниками в центре лишь три были заняты.

«Как же приятно иногда углубиться не в свои проблемы, а в проблемы придуманных персонажей. Заранее предвидеть «хэппи энд», а натолкнуться на абсолютно противоположный исход, или видеть то, что рисует автор, но глазами разума. Я вряд ли когда-нибудь смогу переложить свои мысли на бумагу, но как наблюдатель, могу по достоинству оценить мастерство творцов».

Почесывая переносицу, детектив отложил книгу в кожаном переплете с названием «Богач, бедняк» Ирвина Шоу. Кроме этой книги на столе лежала его шляпа, незаменимый атрибут гардероба детектива Нью-Йорка. Кремового цвета она была в тон плащу, который покоился на спинке стула. Взяв шляпу в руки с мыслью покинуть библиотеку, он замер. За спиной Алекс почувствовал чей-то взгляд, направленный на него.

– Как ты меня нашел? – вместо приветствия, не оборачиваясь, спросил детектив.

– Милена подсказала, – приглушенным басом ответил голос из-за спины.

– Предлагаю перекусить, – предложил Фитцжеральд, все так же смотря перед собой и одевая шляпу и плащ.

– Поддерживаю, – чредой коротких фраз завершился их

диалог.

* * *

Пасмурная погода и следы прошедшего утреннего дождя нагоняли серость и настроению. Однако Фитцжеральд был рад увидеть своего бывшего напарника, хотя внешне, впрочем, как и всегда, не давал эмоциям выплеснуться наружу. С их последнего громкого дела о пропавших подростках прошел уже год. Но ни разу за этот период напарники не виделись.

Обойдя в безмолвии здание библиотеки, декорации серой улицы сменились на фон цивилизации Древнего Китая. Золотыми иероглифами на черном фоне красовалась вывеска ресторана.

– Это что название китайской забегаловки? – подняв голову на вывеску, спросил Митч.

– Нет, это китайская мудрость: «Каждая выпитая чашка чая разоряет аптекаря».

– Откуда ты знаешь?

– Спрашивал у хозяина заведения, – ответил Фитцжеральд.

Преобладание красного, черного и золотого цветов бросалось в глаза. Юные официантки восточной внешности в черных кимоно поклоном встречали посетителей.

– Господину Фитцжеральду угодно тоже самое, как и все-

гда? – с акцентом спросила официантка.

– Да, пожалуйста. За тот же стол, – снимая плащ, Алекс направился к столу с красными диванчиками, расположенному у окна.

– Это Вам, – с улыбкой, девушка протянула меню Томсону.

– Спасибо, мэм, – холодно бросил полицейский.

Детектив начал с фунчезы, а лейтенант заказал грибной суп.

– Рассказывай, – вылавливая ложкой грибы, сказал Митч.

– Все по старому, – коротко ответил Алекс.

– Хах, – громко усмехнулся собеседник. – Целый год его не видел, а у него все по-старому. Может хоть любовницу завел?

– Нет.

– Любовника?

– Нет.

– Сменил работу?

– Нет.

– А я вот каждый день подумываю уйти в официанты или в гардеробщики, – с грустью добавил заместитель начальника нью-йоркской полиции.

– С твоим фейсом и харизмой лучше в гангстеры или в наемные убийцы, – после сказанного Фитцжеральдом, официантка принесла горячий чай и, поклонившись, вновь исчезла. – Лучше ты расскажи о себе.

– Если честно, то мне нужна твоя помощь… – Митч замолчал, отпивая благоухающий травами напиток.

– Террористические акты, – догадался детектив.

– Дружище, их совершают не ублюдки, которых мы немало заслали за решетку, не арабы-фанатики и даже не русские… Их совершают жители нашего же города. Причем за ними ничего не числилось. Законопослушные граждане, у которых есть семьи, один из них даже занимал руководящую должность в Северо-Восточном банке. Они просто приходили в те места, где больше всего народа и начинали палить из дробовика или закидывать толпу гранатами. Ни одного не удалось взять живым, как только террорист оказывался в западне, последним патроном он вышибал себе мозги.

Алекс аккуратно протер салфеткой губы и начал размышление, готовясь опровергнуть теорию собеседника:

– В любом случае зацепки должны быть.

– Мужчины и женщины, из разных районов города, в разные дни… Ни место, ни время, ни личности…

– Ты же бывалый коп, – поправил его Алекс. – Во-первых, место – Нью-Йорк. В других городах было замечено что-то подобное?

– Нет.

– Во-вторых, время – это произошло, как мне известно, из статей в газетах, в течение двух недель. Верно?

– Верно.

– В третьих – это не в чем неповинные граждане. Все схо-

дится.

– Все это слишком глобально, – отмахнулся Томсон. – В нашем городе более восьми миллионов людей, поэтому твои логически рассуждения ни к чему хорошему не приведут. И самое главное – нет мотива. А это, как сам знаешь, половина дела.

Лейтенант замолчал и начал говорить на тон ниже:

– У Билла это последнее дело. После раскрытия он переезжает в Вашингтон.

– Довольно неплохой расклад получается – начальника департамента переводят на новую должность, а его заместитель становится на его место и получает звание капитана… Или я что-то путаю.

– Так-то оно так, – покручивая в руке чашку, ответил Митч. – Но если инциденты со взрывами и перестрелками будут продолжаться, то возможен вариант отставки всего руководящего состава. Зачем городу, в котором правит анархия, копы?

– Как я понял, департамент полиции Нью-Йорка хочет снова воспользоваться услугами частного детектива Нью-Йорка. Угадал? – с улыбкой спросил Алекс.

– Было бы неплохо, но у нас очень мало времени. ФБР и все остальные департаменты так же занимаются расследованиями. Только если полицейские ведут общее дело, то из федералов ничего не выудишь.

– Из них никогда не выудишь, – сделав глоток чая, детек-

тив добавил. – Пора к этому привыкнуть. Так каков размер моего гонорара?

– Сукин сын, ты никогда не изменишься, – с улыбкой подметил полицейский.

* * *

Этот многомиллионный муравейник, названный в честь одного из провинциальных городков Англии, заставлял пересмотреть человеческую суть. Фитцжеральд любил наблюдать за нескончаемым потоком людей, иногда ради этого даже сбавляя свой темп жизни. Если среди этой массы ты разбираешься во всех профессиональных областях, в сферах мозговой активности и обладаешь среднестатистическим талантом, то ты так и останешься серой массой в этой бесчисленной реке. Однако если ты не силен в науке, у тебя нет средств и возможностей, но есть то, что делает тебя уникальным – город может заговорить о тебе. Алекс прекрасно знал это. Обучение в Кремьонской специализированной школе развили в нем навыки телепатии и гипноза. Это и была уникальность этого худощавого двадцативосьмилетнего парня. Он никогда не просил этот город об услугах, но Нью-Йорк сам взял слово и постоянно обращался к нему. С тех пор, начиная с расследований в чине полицейского и заканчивая частным сыском, Алекс Фитцжеральд стал одним из самых знаменитых детективов города большого яблока. Вместе с

тем, как-бы не сыпались предложения о помощи в раскрытии тех или иных дел, Фитцжеральд поставил за правило после раскрытого преступления брать недельный перерыв.

Он с удовольствием уделял это время чтению, путешествиям в пределах страны с Миленой или в редких случаях одиночеству.

Даже сейчас, шагая в сторону своего дома по ухоженным аллеям, Алекс сбавил ход, наблюдая за быстрым течением людей. Солидного мужчину в синем пиджаке и с черной папкой в руках линия сотовой связи соединяла с партнером по бизнесу, который был за тысячи километров от Нью-Йорка. Детектив словно сам превратился в электрическое колебание, преобразовавшись от человеческого голоса в электронный импульс и, промчавшись сотни миль за мгновение, снова превратился в английские реплики. Услышав их разговор о поздней поставке продукции, Алекс заключил про себя: «Место никогда не играет важную роль в жизни человека. Самый ценный ресурс – время. Одну и ту же проблему можно решить, находясь и в разных городах, но если она будет решаться в разное время, то проблема, скорее всего, станет уже не актуальной».

В пасмурную погоду среди толпы неброских людей выделялись две молоденькие девушки в красном и ментоловом платьях. Цвета их одежды были столь сочными, что взгляд, упавший на эти тона, отдыхал от однообразия господствующей серости.

– Клэр, они все одинаковые, – объясняла одна подруга второй. – Поэтому после того, как Кайл сделал мне предложение, я сначала переспала с Джимом и только потом согласилась выйти за него замуж.

– Эээ… – в недоумении протянула подруга и спросила. – Замуж за кого?

– За Кайла, друга Джима.

«Среди женского мира пошла мода на тупость и беспринципность. Скорее всего, это из-за влияния средств массовой информации и рекламных агентств, – заключил про себя Алекс. – Сейчас трудно найти музыкальный клип, кинофильм или рекламу, где бы не фигурировали полуобнаженные бодибилдеры или загорелые девушки в купальниках. Всё это формирует понятия о красоте и жизненных приоритетах. Нынешняя молодежь в разы умнее своих предшественников, гонявшихся за американской мечтой в Филадельфии, в Чикаго или у нас в районах Бронкса с обрезами и ножами. На данный момент миром правит информационный бог. Грабежи, мошенничества, налеты никто не отменял, но сейчас властвует поколение рейтингов, узнаваемости, рекламных влияний. Сколько денежных средств уходит на поддержание порноиндустрии, на содержание притонов и борделей… Исходя из всего этого, и формируется сознание современной молодежи. Поэтому раздвинуть ноги – гораздо выгоднее и безопаснее бандитских выходок. А если раздвигать ноги ещё и под камеру, то помимо денег

можно получить соответствующее место в рейтинге людей, исполнивших американскую мечту. Финансовая независимость, власть, влияние на те или иные структуры, авторитетность… каждый к этому приходит по-разному: сложным путем победителей или легкой дорогой, переступая определенные принципы и совесть».

Очередной личностью, привлекшей взгляд детектива, стал нищий мужчина в грязной одежде из лохмотьев. Мужчина шел также медленно, как и Фитцжеральд. Дойдя до определенной точки, он остановился, задумался на минуту и, развернувшись, побрел обратно.

«О чем он думает? Почему он пошел обратно? Что происходит в его жизни?…Череда вопросов из за одного действия.»

Обойдя здание, Фитцжеральд вышел на свою родную улицу. Он старался реже ездить на автомобиле, так как галлюцинации всё ещё не оставляли его. Детектив нередко видел туманные гримасы вместо привычных лиц, кишащий пол с насекомыми, вместо обычного ковра и прочие причуды его сознания. Сначала он пытался с этим бороться, обращаясь к услугам медицины, затем рассчитывал на исцеление ребенком индиго (хотя поправка Милены, после автокатастрофы в тот момент была важнее собственной жизни). В итоге Алекс просто смирился, тем более галлюцинации были редкостью.

* * *

– Это настоящий ад! – прокричал в бесконечную пустоту Гладиатор.

Ледяная вода вместе с кромешной тьмой делили господство в этом мире. Причем уровень воды был так высок, что если нога бредущего хоть на дюйм проваливалась, то избранник ада сразу же погружался в воду. Из семи измерений для обряда воскрешения Гладиатору выпало оказаться именно здесь. Пугала ни тьма, окутавшая как невидимый небосвод, так и бесконечную гладь реки, и даже не страх утонуть в этом спокойном озере… Пугал страх неизвестности. Мертвую тишину, казалось, не нарушало ничего. Но проходя дальше, начали слышаться чуть заметные всплески воды. В воде что обитало… Гладиатор чувствовал это всем своим существом, но отсутствие света, даже лунного, к которому он так привык – делало взгляд ненужным. Тяжело переставляя ноги, Гладиатор двигался вперед, но зачем он идет, куда он направляется и для чего?.. На все эти вопросы не было ответа. Что-то гигантских размеров всплыло вблизи него и нырнуло обратно, однако сделав это так тихо, что казалось, это был лишь мираж, очередной вопрос, гигантская тень.

Именно так хотел настроить себя наш герой: «Это измерение, которое существует благодаря страху. Энергия страха так и витает в этом тихом месте»…

Не успел он закончить мысль, как что-то, проплывшее рядом, сбило его с ног. Оказавшись в воде, взгляду, начинающему привыкать к темноте, предстали тела – сотен, тысяч, миллионов… Мимолетного взгляда хватило на то, чтобы сказать, что они расстелены по всему дну, так же времени хватило увидеть хвост гигантского существа, уплывающего вдаль. Вынырнув обратно, сердце уже билось с неимоверной скоростью. Пока Гладиатор выплёвывал грязную воду – гигантская тень, похожая на покачивающийся толстый столб, начала тихо подниматься из воды прямо перед ним. На мгновение все замерло: Гладиатор, гладь воды и змея, издающая тихое шипение. Спустя минуту подобного бездействия – шипение змеи переросло в оглушительный свист, и она с молниеносной скоростью упала на рослого парня, снова сбив его в воду. Но вместо того, чтобы в этот раз отпустить свою жертву – гигантская рептилия одним укусом лишила его ноги. Вода покрылась каким-то теплом, и Гладиатор понимал, что это его кровь.

Привыкшие к темноте глаза, снова ослепли из-за кровавого слоя на глади воды. А хищник и не думал всплывать, все ползая где-то вблизи. Казалось, нет спасения в этом черно-кровавом омуте. И в этот момент, когда Гладиатор уже смирился со своей гибелью, рептилия снова скрылась, оставив предсмертный покой и время… Время страха, медленно наполнявшее каждое мгновение, проведенное в этом мрачном месте. Очередной отрезок тишины натолкнул на мысль:

«Эта тварь уплыла доедать мою ногу? Или уплыла на совсем?»

Как ни странно, но боль от оторванной конечности беспокоила меньше всего. Всплывая снова на поверхность, он вдохнул глоток воздуха, и снова погрузился в воду. Теплота от истекающей крови, придавала какую-то порцию удовольствия, но как приходило понимание, что это его кровь, то сердце болезненно сжималось. Жадно хватая воздух ртом, Гладиатор старался держаться на плаву, одновременно высматривая чудовище или хотя бы знак его пребывания. Но все было тщетно – тихий мрак не хотел выдавать скользкую тварь.

«Давящий страх и полное отчаяние, складывали в себе бессилие и желание быстрее погибнуть. Наверное, это и есть настоящий ад…», – но его мысли оборвала железная хватка, окольцовывающая все тело. Холод чешуйчатой кожи теперь превосходил температуру воды. Медленно сдавливая свою жертву, скользкая тварь не думала сразу же убивать его. Внимательно рассматривая со всех сторон, она шипела, принюхивалась, словно предугадывая вкус пойманной пищи.

Единственное, что смог сделать Гладиатор – это издать протяжный крик, от чего рептилия сжала его еще сильнее и одним укусом лишила головы.

«Обряд воскрешения всегда проходит через смерть…» – вспомнились слова господина.

Открыв глаза, первое, что увидел Гладиатор – это ночное

небо с яркими звездами и серебристым месяцем. Вся эта красота в принципе была и в его измерении, но здесь покрывало небосвода было словно живым, с падающими метеоритами, оставляющими за собой позолоченный свет, с облаками, серыми лоскутками прикрывающими космос, и даже луной, отдававшей теплом жизни.

Встав с земли, он осознал, что полностью обнажен. Сильные руки, мощные бедра, накаченная грудь и мужское достоинство… Все было на месте. Его радовал и тот факт, что это измерение было из плодородной почвы, без огромных змей и без наполненной страхом водной поверхности. Где-то вдалеке мерцали искусственные огни города, среди бесчисленного населения ему нужен был только один человек, способный помочь в исполнении его миссии. На вопрос Гладиатора, как его найти, хозяин ответил: «Твое сердце подскажет кто он. Но сначала оповести о своем прибытии. Лишь пролив багровые реки, их течение приведет тебя к финалу. Сын мой, я надеюсь на тебя».

* * *

«Какое же счастье, когда она рядом», – подумал про себя Фитцжеральд.

Милена лежала на постели в комнате, освещаемой светом полной луны. Ее шикарные формы вновь пробуждали эрекцию, а кожа еще не успела остыть от недавнего секса. Эта

брюнетка с глазами цвета ясного неба просто сводила его с ума. Да и он был ей не безразличен.

С момента аварии прошло больше года. Но Алекс до сих пор помнил нахлынувшее чувство ответственности за произошедшее вперемешку с чувством любви и страха за жизнь любимой. Как бы это не было странно, но именно сейчас в нем начала пробуждаться страсть.

Вспоминая поэтапно отношения с Миленой, детектив понимал, что весь алгоритм чувств сбился. Сначала была влюбленность – стандартная, банальная, проходящая по одному сценарию: встреча взглядами, первые смелые шаги одного и встречный ответ другой. Затем наступила пора раскрытия друг друга. Походы в дорогие рестораны, посещения выставок, романтические свидания на крышах домов. Потом в их жизни началось затишье. Редкие звонки, не отвеченные сообщения, полное погружение в работу. Если в подобных моментах не проявить инициативу хотя бы одному из партнеров, то можно разбить столь хрупкие отношения.

В этот момент в роли хранителя любви выступила Милена, постоянно надрывающая телефон сообщениями и звонками. Как только любовь начала врываться в их сердца – произошла авария.

Внутри детектива будто разорвалась бомба. Ребенок индиго, чьи способности были как убивать, так и воскрешать – поняла, что высшей благодарностью для детектива, спасшего ее, будет исцеление Милены. Только после этого в их

отношениях зажглась страсть.

Они занимались этим, где только можно: в автомобиле, в парке, в лифте, на работе… Причем не могли насытиться друг другом, чувствуя себя озорными школьниками.

И даже сейчас, видя большие упругие груди, гладя ее нежную кожу и длинные стройные ноги, Фитцжеральду хотелось разбудить девушку для очередного полового акта.

Внезапно завибрировал мобильный телефон.

– Какого черта? – тихо выругался Алекс и взглянул на настенные часы. Под лунным светом он разглядел стрелки циферблата на позиции первого часа ночи.

«Не могу до тебя дозвониться – перезвони. Подпись брат».

– Да, брат, – выйдя в другую комнату, начал детектив.

– Всадник пропал, Алекс, – начал объяснять Сайман. – Помнишь про которого я всегда рассказывал?

– Какой всадник? Час ночи…

Но старший из братьев Фитцжеральдов оборвал его и продолжил:

– После попадания в преисподнюю, первое, что я вижу – это как бесчисленные грешники рубят друг друга в долине мертвых. Затем появляется всадник и начинает крошить всех кого попало. Пару раз я видел, как у него ломается меч. В этих случаях он доставал цепи и одним взмахом перерубал сотню бьющихся, а то и больше. Я двадцать лет погружаюсь в ад, стоит мне посмотреть на отражение своих глаз, и

сценарий никогда не менялся, но сегодня всадника не было. Впервые за двадцать лет!

– Сайман, – начал Алекс. – Я всего-навсего детектив. Единственное, чем я занимаюсь – это раскрытие преступлений. Причем делаю это только исключительно в пределах Нью-Йорка.

Сайман после недолгого молчания добавил.

– Мне кажется, весь творящийся ужас как-то связан и с пропажей всадника. Я же тебе говорю, брат, он всегда появлялся. На черном коне и в черных доспехах – он истинный слуга Дьявола. А еще я встретил одного грешника, который все время повторял слова апокалипсиса… Алекс, умоляю – поверь мне… Грядет что-то ужасное… И мы должны все это предотвратить.

– Сайман! – оборвал его детектив, и, посмотрев на наполненную лунным светом комнату, чуть тише добавил. – Брат, я сплю, Милена спит, и тебе советую заснуть. Если хочешь – завтра встретимся.

– Не нужно, – обиженно сказал старший брат. – Но если ты возьмешься за расследование этих взрывов, а я уверен, что ты возьмешься, то не забудь, что я тебе говорил.

– Увидимся, брат.

– Спокойной ночи.

Положив телефон, Фитцжеральд подошел к окну. Глядя на ночной город, мысли так и витали вокруг него. Его старший брат обладал даром, или как считал сам Сайман прокля-

тьем, странствовать в ад. Немало преступлений были раскрыты именно благодаря ему. Однако покойники, даже находясь по ту сторону жизни, не были слишком разговорчивы. Лишь в единичных случаях называли адреса или имена.

Услышав заветное: «Нью-Йорк. Булвер стрит дом тридцать пять… Зло… Спасите их». Сайман сообщал об этом младшему брату-полицейскому, а тот в свою очередь наведывался по этому адресу. Раньше подобные вылазки они делали втроем: Алекс, Сайман и Митч. Называя эти операции «чисткой», троица использовала конфискованное оружие. В редких случаях они арестовывали подозреваемых, еще реже старались оставлять следы и попадаться на глаза свидетелям.

Сколько же всего они увидели за эти годы: распятые на крестах младенцы, выпотрошенные тела животных, протухавших внутри жилых квартир, жертвоприношения, каннибализм.

Алексу припомнился случай, когда умственно отсталый маньяк расчленил своих родителей и записывал разницу строений организма матери и отца в тетрадь.

– У него есть писька и в горле какой-то жесткий комок. У мамы титьки и меньше ребер. У папы мозг тяжелее, чем у мамы… и печень.

Все свои эксперименты и внутренности родителей он фотографировал и прикладывал к записям. От увиденного одного из присяжных увезли на скорой прямо на заседании суда. Этот садист объяснял, что все его эксперименты на благо

человечества, яро убеждая, что родители сами согласились на опыты.

Подобных историй было уйма. Каждый из сумасшедших имел свое собственное оправдание, покрывающее весь сотворенный ужас.

Детектив так же продолжал наблюдать за «большим яблоком», пытаясь отогнать тяжелые воспоминания. В принципе Сайман редко ошибался, и эти массовые происшествия требовали всестороннего изучения. Поэтому отметать мысль о непричастности всесторонних сил он не спешил.

* * *

Каждое утро детектива начиналось одинаково: ободряющая джазовая музыка в исполнении Фрэнка Синатры, Луи Армстронга или Рея Чарльза, гимнастические упражнения с параллельным просмотром телевизионных новостей и конечно же завтрак. Причем отборный кофе играл важнейшую роль в утренней трапезе.

Узнав, что за ночь никаких происшествий не произошло, он накинул на себя плащ и шляпу и, попрощавшись с Миленой, покинул квартиру.

Черный «Dodge Challenger» пробивался сквозь нью-йоркские пробки. Пока движение было замедленным Алекс включил одну из аудио книг. Мужчина довольно артистично рассказывал историю молодого парня-студента. По первой

прочитанной строке детектив сразу же узнал произведение Харуки Мураками.

Спустя полчаса, Фитцжеральд уже был у департамента полиции. Дойдя до порога здания, даже одетый в плащ и шляпу, он успел подмерзнуть.

Привычный департамент, в котором до получения лицензии детектива Алекс успел отработать порядка пяти лет, не шумел, как прежде. Кроме телефонных звонков, перекрикивающих друг друга, других звуков не было.

– Утро доброе, коллеги, – зайдя в кабинет Билла Харриса, поздоровался Фитцжеральд.

– Как спалось? – пожимая руку детективу, начальник департамента привстал с места.

– Не плохо, – после этих слов Алекс заметил лейтенанта, сидящего у окна и целящегося дротиком в цель.

– Да что с ним станется? – грубоватым басом вступился Митч Томсон, крепко сжимая протянутую руку. – Это у нас тренировки, стрельбы, патрули, безнадежные дела. А у него гонорары, свободный выбор материалов и никакого давления сверху.

– На такого как ты надавишь, – с усмешкой подметил Алекс, привыкший к остротам бывшего напарника. – А насчет тренировок – у меня тоже свой режим посещений айкидо и стрельб.

– Может как-нибудь организуем спарринг?

– Ты же помнишь, чем закончилась последняя драка, –

улыбка так и не сходила с лица детектива.

– Это было, когда мы еще учились в полицейской академии! – взорвался лейтенант.

– Так, – спокойно прервал их седовласый капитан. – У нас очень мало времени. Оставь эти чертовы дротики и введи уже в полный курс дела Фитцжеральда.

Тяжело вздохнув, Томсон направился к двери.

– Там сотни свидетелей. Среди всего выберете нескольких и опросите никак патрульные копы, а как настоящие детектив и лейтенант, – подметил Билл.

Зайдя в свой бывший кабинет, Фитцжеральда охватила ностальгия. Столько громких преступлений было раскрыто в этих пятнадцати квадратных метрах. Почти ничего не изменилось с момента последнего пребывания, кроме одной мелочи:

– А где фикусовое дерево?

– Высохло, – доставая папки с делами, коротко бросил лейтенант. – Только не говори, что у тебя там была заначка.

– Теперь ты мне должен двадцать баксов.

– Учитывая сколько нерв я потерял на «чистках», то ты мне должен свой «Challenger». Кстати, как поживает твой брат-шизик?

– Ему тяжело.

– Еще бы, – усмехнулся Томсон, располагаясь на своем кресле. – Каждый день наведываться в гости к покойникам… Ну, да ладно. Есть предложение по раскопке всего этого

дерьма, – лейтенант подмигнул.

– Сжечь все материалы и сообщить, что ничего не было? – усмехнулся детектив.

– Это второй вариант.

– Тогда давай убей меня своим логическим алгоритмом раскрытия данных террористических актов.

– Предлагаю свидетелей оставить напоследок. Их там тысячи, а нас двое. Причем я читал показания – эти засранцы говорят одно и тоже: «Он вышел, начал стрелять, потом скончался».

– Поддерживаю, коллега, – на последнем слове Фитцжеральд сделал особый акцент. – Предлагаю сосредоточиться на исполнителях.

– Кишки и мозги, которых разбросаны по всему Нью-Йорку.

– Именно. Копать нужно в их биографии. Кто у нас в списке?

– Леонардо Холл, Аксель Фокс, Луиза Митрич, Джон Стигман. Эти четверо переиграли в «GTA».

– Дай мне по любому из них материал.

Митч протянул папку, в котором был указан номер дела и фотография афроамериканца с пышной прической и бакенбардами.

– Аксель Фокс. Тридцать пять лет, – начал читать вслух Фитцжеральд. – Житель района Гарлема. Адрес Винт-стрит дом тринадцать. Посудомойщик в пиццерии. Были приводы

в полицию за распитие спиртных напитков в общественных местах. Со слов работодателя мистера Дженкинса, Фокс был вполне порядочным работником. Краж и дисциплинарных взысканий не было. Жил с супругой и двумя дочерями… Это все?

– А что ты удивляешься? – покручиваясь на стуле, спросил Томсон. – Тут столько взрывов было, что опросить успели в основном только тех, кто был непосредственно на месте.

– Одно из самых громких дел, а вы толком даже не начали его расследовать.

– Нам главное предотвратить очередные теракты. Для этого всех на патруль и кинули, – пояснял Митч.

– Ладно, – поправляя ворот коричневого плаща, сказал детектив. – Поехали к его супруге и двум дочерям.

– Чур, мне супруга, – по-ребячески произнес Митч.

– Ты псих. Захвати материалы по трем оставшимся.

Они были напарниками еще с полицейской академии. Грубоватый Митч, который знал уличную жизнь, как свои пять пальцев, и Алекс, худощавый интеллигент, окончивший Кремьонскую школу и обладающий навыками гипноза и телепатии. Сейчас они были даже одеты, как в те времена – Митч в черном кожаном плаще с черной шляпой, и Алекс в коричневом плаще с коричневом убором.

Спустившись на полицейскую парковку, Алекс спросил:

– На твоей или на моей?

Красный «Jaguar» марки «XKR-C» в привычном скорост-

ном режиме мчался по улицам одного из самых густонаселенных городов планеты. И не одна пробка не могла помешать разогнавшейся иномарке.

– Ахаха, – словно умалишённый вопил водитель, включая полицейскую сирену, установленную внутри салона. – Я, король мира! Йо-ху!

– Ты, псих, – листая материалы преступлений, подытожил пассажир.

– Не скучаешь по-своему старенькому «Ford»?

Воспоминания об аварии ударились в память. Галлюцинации скопившихся на дороге гигантских тарантулов вместо автомобилей, взмах хвоста динозавра, одним движением уничтожающий этих пауков. Затем встречная полоса, сигнал грузовика и оглушительный крик Милены. С силой зажмурив глаза и снова открыв веки, Алекс ответил:

– Нет, дружище, не скучаю.

Остальную часть маршрута они проехали молча. Фитцжеральду вспомнилась Кремьонская школа. То самое заведение, где он изучал новые предметы, только внедренные в систему спецшкол.

Подобные спецшколы существовали исключительно в нескольких странах мира. Основу образования составляли стандартные предметы: математика, физика, химия, естествознание, география и прочие. Кроме этих предметов существовали и другие: ратиология (изучение разума), история мистики, практические занятия по выведению талантов.

Школы часто обменивались учениками. Но к числу таких счастливчиков, которые один год учились в прериях Калифорнии, второй – проводили в горах Тибета, третий – в лесах Сибири – Фитцжеральд попросту не попал. За все свои двадцать восемь лет Алекс не выезжал за пределы Соединенных Штатов. Однако, увиденное даже в стенах Кремьонской школы ему хватило на всю жизнь. Почему-то вспомнился именно первый месяц обучения.

Он уселся с ней в первый год обучения и до последнего школьного дня не менял соседа по парте. Голубоглазая, неброская на внешность девочка и по сей день поддерживала его, а детектив – чем мог, помогал ей. Это сейчас она была знаменитой на весь Нью-Йорк художницей, удивляющей глубиной смысла своих картин. В то время она была скромной девочкой, смирно отвечающей на вопросы учителя.

– Элен, – обратился к ней преподаватель. – Скажи, пожалуйста, кто такой Бог?

Меняются года, столетия, но тема Всевышнего будет актуальна еще не один век. Различные нации, различные расы, порой враждующие вероисповедания доказывали правоту именно своего Бога – лишь изредка убеждая других, что он един. Однако учителя спецшкол предпочитали из слов детей узнавать определение этого слова. На кого-то уже успели повлиять родители, приучившие своих сыновей и дочерей молиться с момента появления голоса. Кто-то же просто услышал про Бога во взрослой беседе и, не поняв точного

содержания, добавлял и свое видения на эту тему.

– Бог? – переспросила девочка, вставая из-за парты, и увидев утвердительный кивок учителя, продолжила. – Бог – это самое сильное создание в мире. Если ты добрый и творишь добрые дела, то он тебе помогает, а если ты злой, то ты можешь после смерти попасть в ад.

Что нравилось всем учителям в Элен Паркер, так это, то, что она с уверенностью выкладывала все, что знала и предполагала. Некоторые же ученики, даже зная подлинную тему, просто стеснялись изложить свои мысли и видения.

Учитель вымеренными шагами ступал по классу. Фитцжеральд до сих пор помнил, как эхом отдавались удары твердых каблуков. Он специально сделал паузу, чтобы одноклассники поняли определение Бога со слов девочки.

– Хорошее определение, Элен. Давайте разберем его по подробнее, – он все также продолжал мерить класс. – Ты сказала, что Бог – это создание. Создание от глагола создавать. Кем же или чем же создан Бог? Вопрос ко всем.

– Сверх Богом, – крикнул кто-то из детей.

«Ох, уже эти детки, – подумал про себя учитель. – Сразу находят ответы. В отличие от наших, уже зомбированных чьими-то рассуждениями и правилами мозги, их головы гораздо светлее и чище. В действительности они давали иногда такие ответы, что порой кажется, будто дети гораздо светлее нас».

– Сверх Бог? – переспросил он. – Тут же вытекает второй

вопрос. Кто создал Сверх Бога?

– Может он всегда был? – неуверенно добавила другая ученица.

– Может быть, – не стал отметать ее мысли учитель. – А всегда – это когда?

– Это миллиарды лет назад.

– А что было до миллиардов лет назад?

– Ничего.

– А как выглядит это «ничего»? Как пахнет? Как звучит? В чем измеряется? И откуда все-таки образовалось это ничего?

– Мы его не видим, оно ничем не пахнет, не можем измерить… Это как пустота.

Именно этого слова и ждал учитель. В размышлениях о существовании Бога так или иначе сталкиваешься с пустотой.

– То есть Бог появился из пустоты. Правильно я вас понимаю?

– Бог – это и есть пустота или точнее пустота, и есть Бог.

Ответивший на это мальчик был на несколько лет старше других. Он один из тех, кто смог посетить практически все спецшколы мира. Его звали Рорк Милнор. Никто не знал о способностях этого черноглазого мальчика с бледной кожей, но он постоянно что-то записывал в слой блокнот. Както к нему обратилась Элен с просьбой показать записи, на что Рорк ответил, что увиденное может плохо кончиться для

Элен. После этого одноклассница старалась избегать контактов с ним.

– Скажи мне, пожалуйста, Рорк, а откуда взялась пустота?

– Когда-то существовала вселенная, в которой было бесконечное число планет, галактик, черных дыр, существ и самое главное – энергии, – уже по этим словам можно было предположить, что мальчик гораздо старше своих одноклассников. – Так вот, когда поглощение этой энергии становится слишком большим – случается взрыв, уничтожающий все, что было: время скорость, историю, существ, планеты и даже саму энергию. Такое происходит даже сейчас. Пока я говорю эти слова, может случиться взрыв, и мы станем пустотой. Но в этой пустоте даже после подобного взрыва может остаться песчинка пыли. И вот из этой песчинки начинают возрождаться планеты, галактики, существа, эволюция, люди, судьбы, жизнь и смерть.

Учитель только открыл было рот для очередного вопроса, как мальчик продолжил:

– Все это идет по кругу. Круг – это главная фигура во вселенной. Планеты круглые, галактики стремятся образоваться в круг, все движется вокруг своей оси, и даже спутники движутся вокруг своих планет. Так вот и история этих взрывов, вместе со временем – тоже движутся вокруг. У времени нет ни начала, ни конца. Возможно, сейчас снова произойдет взрыв, и все начнется сначала. Но никто с уверенностью не может сказать, что наше будущее – это не наше прошлое.

– Не понял тебя, Рорк, – мотая головой, пытаясь разобраться в высказываниях мальчика, сказал учитель.

– Эпоха тоже может быть кругом. К примеру, начало было до нас, мы продолжение, снова взрыв – будущая эпоха. Будущая эпоха снова заканчивается взрывом и наступает прошлое. Затем снова наше время, где я буду говорить эти же слова – про повторение временных эпох. А вы в свою очередь так же меня будете спрашивать, задавая те же вопросы, как две эпохи назад. Вам лишь изредка снятся сны или приходят мысли, что все происходящее когда-то было. Все происходящее циклично.

Видимо сказанное в действительности произвело впечатление на учителя:

«Нужно будет почитать досье Милнора», – подумал он про себя и добавил:

– Сильные рассуждения, Рорк. Будет время – запиши их в свой блокнот. Но лучшие мысли те, которые окончены. Подытожь, пожалуйста, что для тебя Бог?

– Это частицы пыли во вселенской пустоте.

– Ну, хорошо… Тогда скажи – ты слышал, что-нибудь про ад? Призраков? Мистификацию? Оборотней? Вампиров?

– Оборотни и вампиры – это человеческие выдумки. В действительности существовали северные племена, обитающие в лесах Канады, которые из-за суровых морозов даже в эпоху Крестовых походов все еще были покрыты шерстью. У них были широкие ступни, что облегчало им движение по

снегу, шерсть все еще не спадала из-за суровых погодных условий. Эволюция не позволяла облысеть этим северным народам. Однако Крестовые походы не коснулись Северной Америки. В то время, когда открыли материк – эти гигантские люди уже вымерли, не выдерживая больше колебаний температуры. В последнее время больше склоняющиеся к плюсовой отметке. Но наскальные рисунки и пересказываемые из поколения в поколения истории индейцев трансформировали их сходство из больших обезьян в больших волков. А по поводу вампиров – во все времена чернокнижники убеждали царей и знатных вельмож в том, что сохранить силу, власть, и продлить жизнь может только кровь более молодого. Поэтому многие цари и царицы, даже сама Клеопатра, пила кровь детей или молодых девушек. Кровь людей пьют до сих пор. Это вошло в традицию с незапамятных времен. Но с тех пор многое переменилось. Например, масоны, впрочем, как и китайские олигархи, на сегодняшний день в особых ресторанах едят мясо младенцев. Учитывая, что мясо человека нежное на вкус, с особой энергией и витаминами – попробовав один раз – к нему начинаешь привыкать. Поэтому подобные деликатесы очень дорого стоят в Европе и Америке, чуть дешевле в странах Азии и Африки.

Учитель находился в легком шоке от всего услышанного.

– Ах, да. Вы меня спрашивали про ад и призраков, – продолжил мальчик, не убирая взгляда своих черных глаз с учителя. – Они существуют. Ад – это параллельная реальность.

Порой из-за тонкой грани между пространствами мы видим усопших, иногда они видят нас. Даже сейчас, находясь в этом классе, с нами присутствуют усопшие. Однако они так же не видят нас, как и мы их – мертвые живут в параллельном нам мире. Кто-то оказывается в третьем измерении, кто-то в седьмом. Кого-то ждет долина мертвых с огненной дорогой. Кто-то мечется в пустоте и одиночестве, а кто-то плавает по черному омуту, наполненному страхом. То где мы сейчас живем – это рай. Лучшая жизнь, выдуманная нашими праотцами – не больше, чем оптимистический миф. После смерти, в момент гниения нашего тела, у людей умирает часть мозга – сознание. Это и есть душа человека. У животных подобного участка мозга не существует. Правда пройдет всего лишь несколько тысячелетий, и у животных начнет развиваться эта часть мозга. После смерти их энергия души так же будет странствовать по параллельным мирам. В зависимости сколько энергии он израсходовал и как распределял этот ресурс – он и попадает в то или иное измерение после своей смерти. По накоплению, а точнее переполнению энергии в том или ином пространстве – происходит дисбаланс, вызывающий взрыв, что влечет уничтожение всех измерений во Вселенной… Однако крошечная частица пепла или пыли – начинает свое очередное существование, давая жизнь новой эпохе, и все снова идет по кругу.

Его мысли прервал плач одного из одноклассников из Южной Кореи. Кожа малыша-азиата покрылась кровавыми

узорами.

– Стигматы! – тихо произнес учитель и бросился из класса с криком. – Доктора! Доктора!

Мальчик ревел во весь голос, и вместо кровоточащих ран на голове и на запястьях, стали появляться иероглифы, цифры, кровавые рисунки. Все этого нагоняло ужас не только на самого ребенка, но и на наблюдающих одноклассников. Но Алекс, как завороженный смотрел на все происходящее. Среди непонятных кровавых изображений, единственное, что четко смог разглядеть Фитцжеральд – изображение распятия. Только вместо привычного образа Христа, на его месте находилась короткостриженая девушка, так же истекающая кровью из тех же самых мест, что и сын Божий.

Вбежавший доктор начал растирать кожу мальчика кремом, но было видно, что эффекта это не производит. Спустя две минуты – кровавые знаки пропали сами собой.

Такой припадок с Пак Ю Суном случался уже третий раз. И каждый раз самым запоминающимся знаком для Фитцжеральда младшего оставалась распятая девушка с короткой стрижкой.

– Алекс! – резкий крик, вернул Фитцжеральда из мира воспоминаний. – Я тут ему душу изливаю, как мне надоела работа, а он спит с открытыми глазами.

– Ты всегда жалуешься на свою работу, – подметил детектив, снова уставившись в окно плавно движущегося «Jaguar». – Так что тебе мешает устроиться в твои любимые

гардеробщики?

– Копов Нью-Йорка после ухода из полиции никуда не берут. Все думают, что мы ничем не занимаемся. А если уж у нас не получается ничем не заниматься, как же мы будем следить за одеждой?

– Там еще и номерки нужно подавать, – с серьезным видом заметил Алекс.

– Да ты что? – с удивлением выпучил глаза водитель. – Еще и номерки подавать… нет – моя работа ничего не делать мне больше по душе. Ты только подумай – еще и номерки подавать.

Красная машина колесила по спальному району, где в ровные ряды были выстроены похожие друг на друга дома, и остановилась у здания из белого камня. Около дома по зеленой лужайке бегали два чернокожих мальчика шести-семи лет. Глядя на двух парней в плащах и шляпах, они бросились домой с криками: «Копы! Копы!»

– Дааaa, – протянул Фитцжеральд. – Твою профессию и здесь не понимают.

– Было бы веселее, если бы они кричали парковщик! Парковщик!

От шутки Томсона засмеялись оба.

На пороге их встретила полноватая афро-американка, которой на вид было уже за тридцать пять.

Сидя в гостиной, она объясняла напарникам – каким был ее супруг при жизни.

– Когда мы познакомились с Акселем – он был ходячим сорвиголовой. Он не состоял в бандах, но в полицейских участках был завсегдатаем. Хотя, сказать по правде, за ним больше числились мелкие кражи, хулиганство, неоплата счетов. Затем он начал ухаживать за мной. Я уже была наслышана кто такой Аксель Фокс по прозвищу Паук, но, поняв, что молодой человек настроен серьезно, поставила перед ним условие – никаких проблем с законом. Я не собиралась видеть супруга только на тюремных свиданиях. Мне хватило участи моей покойной матери.

– То есть после вашей встречи он не переступал закон? – делая пометки в своем блокноте, спросил Фитцжеральд. – Я Вас правильно понимаю, миссис Фокс?

– Все верно, детектив.

Услышав свист вскипевшего чайника, она направилась на кухню.

В это время полицейский и детектив разглядывали помещение. Коричневато-шоколадные обои предавали темноту помещению даже в дневное время. На выжженных деревянных полках были расставлены книги, африканские амулеты, вазы, часы. На первый взгляд дом отдавал бедностью, но изумрудная мягкая мебель говорила о среднем достатке.

Женщина, виляя большими бедрами, принесла чай на подносе.

– Угощайтесь, пожалуйста, – она подвинула корзину с печеньями.

– Спасибо, я буду, – хватая чашку и печенье, сказал Митч.

– Скажите, пожалуйста, миссис Фокс, а какие-либо изменения происходили с Вашими супругом в последнее время?

– Никаких, – усаживаясь на кресло, сказала женщина. – Единственное – он в последнее время задерживался на работе.

– И с какого дня он стал поздно приходить домой? – вступился Митч, громко отпивая горячий чай.

– Вы знаете, у него такая работа, что задержаться можно по любому поводу. Где-то накопилось больше мусора, где-то нужно убрать еще одну комнату.

– Часто он менял работу?

– Часто. Я понимаю, о чем Вы говорите, детектив. Менял не из-за того, что его увольняли. Сначала мы переехали с Гарлема, затем снимали квартиру на Сильвер-стрит, потом уже обосновались здесь. Причем некоторые работодатели были не совсем честны в выдаче зарплаты. Еще чаю?

Томсон уже хотел было согласиться, но Фитцжеральд резким взглядом напомнил для чего они здесь.

– У меня чуть комок в горле не застрял, – сказал Митч Алексу, но детектив продолжил опрос.

– Что могло случиться с Вашим супругом, что с подвигло мистера Фокса на убийство 176 человек? – вопрос прозвучал более холодно, чем ожидал Фитцжеральд, в этот момент выбежали две чернокожие девочки со второго этажа, обняв мать своими пухлыми ручками.

– Бес, – коротко сказала женщина. – В него вселился бес. Вы сами подумайте – двое детей, какой-никакой дом, причем свои стены, да и меня он любил без памяти. – У него не было причин уходить из жизни самому.

– В таком случае разрешите осмотреть его комнату? – допивая чай, попросил Томсон.

– Да, конечно.

В небольшой комнате четыре на три метра была расположена кровать, шкаф, небольшой письменный стол с выдвижными полками, на стенах были развешаны амулеты на манер африканских культур.

Как часто бывало в полицейских историях – стоило покопаться в литературе убийцы, и ответы о мотивах всплывали сами собой: приоритеты в расах и крови, литература об утопии, произведения, восхваляющие убийство, обозначая это действие, как подвиг сильных.

Однако Фокс был не из подобной элиты. Школьные произведения, одна книга о высшей математике, по закладке было понятно, что он ее только начал читать.

– Миссис Фокс, а Ваш супруг собирался поступать в колледж или университет?

– Да, он серьезно подумывал о колледже. Но откуда было взять средств на это? Поэтому затею о получении образования пришлось отложить, но он все же продолжал читать и развиваться самостоятельно.

– А на какой факультет собирался поступить? – перели-

стывая книгу высшей математики, спросил Алекс.

– Он хотел стать бухгалтером или финансистом, – поправляя коричневый платок, сказала женщина. – В общем, что-то в этой сфере.

– Ясно, мэм. А вообще Аксель был верующим?

– Единственный кто верит в Бога в этом доме – это я. Ни детишек не могу приучить читать молитвы, не могла и Акселя. Даже простую молитву перед трапезой.

На письменном столе кроме печатной машинки, органайзера и нескольких учебников находилась папка с кипой документов, счетов, бумаг.

– А что это за счета, миссис Фокс? – уточнил Митч. – Детектив Фитцжеральд, взгляните, пожалуйста.

– Оплата за похороны, оплата за воду, оплата за свет, за телевидение, за интернет, за землю, денежные лотереи.

– Хах, – усмехнулся лейтенант. – Мэм, Вы еще для полного счастья приобретите автомобиль.

Среди множества квитанций и чеков детективу бросились в глаза банковские и ресторанные флайеры. Он внес очередные заметки в блокнот, и убрал его во внутренний карман плаща:

– Часто играете в лотереи?

– Раз в неделю покупаю билет на удачу. Знаете – жить с надеждой и мечтой гораздо легче, чем без нее.

– Лейтенант Томсон, у Вас телефон, какой модели?

– Лучшей и последней, в отличии от вашей, – ответил по-

лицейский вытаскивая сенсорный телефон.

Яркие вспышки заполнили темную комнату и, спустя пять минут, в телефоне была запечатлена дюжина фотографий.

– Вы закончили, лейтенант?

– Да, детектив, – их наигранность в субординации общения была заметна только самим напарникам.

Уже прощаясь с хозяйкой дома, Фитцжеральд взглянул в глаза одной из дочерей покойного:

«У Фокса действительно не было причин уходить из жизни самому», – промелькнуло в голове Алекса.

* * *

– Что думаешь? – спросил Фитцжеральд, хотя обычно мыслями делился Алекс.

– Нормальный среднестатистический негритос, который в молодые годы махал кулаками, а затем угомонился и единственное, чем увлекался – это мытьем полов, сексом с женой. Парень не был пьющим, не употреблял наркотиков. В его доме я не увидел не мини-бара, ни портсигар. И вообще парень был амбициозным, в крайнем случае, хотел учиться. Запишем ему это в бонус. Вместе с тем – у него не было средств, для воплощения своих желаний. Можно зацепиться за это. И того у нас два мотива для преступления – неподтвержденная ни наукой, ни фактами – вселение бесов, и второй мотив – заказное преступление, – Митч держал курс по второму ад-

ресу, ведя ровно автомобиль. – Ты что думаешь?

– Приблизительно те же мысли, – отмахнулся Алекс. – Но если дело касается экзорцизма, то я знаю человека, который может нам помочь.

– Кто же этот оперативный работник?

– Элен Паркер.

– Элен Паркер? – удивился Митч. – Знаменитая художница?

– Моя бывшая одноклассница.

– Лучше бы она была просто твоей бывшей, – чуть помолчав, Митч добавил. – Я слышал – она ударилась в религию.

– В Кремьонской спецшколе… – начал Алекс, но водитель сразу же перебил его.

– В школе для психов, – Алекс будто не заметил слов своего напарника и продолжил:

– В Кремьонской школе для одаренных детей мы с ней просидели за одной партой с первого дня до последнего учебного. Если у меня имелись способности телепатии и гипнозу, то ее способности были куда специфичнее. Она изображала то, что лежало на душе позирующего. Помню во время нашего проживания в прериях Техаса, недалеко от нашего ранчо располагался заброшенный аэропорт. Там впервые я увидел покойника… Ну, знаешь, мафиозные разборки нередко проходили в таких отдаленных от цивилизации местах. За несколько миль ни единого свидетеля, не говоря уже о представителях власти. Так вот, когда мы с Сайманом…

– Еще с одним психом, – отметил для себя Митч, как только услышал знакомое имя.

– Так вот, когда мы с моим братом играли в этом заброшенном аэропорту, я увидел висящего на петле мертвеца. Все его тело было синим от побоев и исполосовано ножом. Мне тогда было шесть лет. Эта картина навсегда запечатлелась в моей памяти. Когда я согласился, чтобы Элен нарисовала меня, помимо меня они вписала туда мою маму и брата, хотя никогда не видела их… Но это было не все – в углу светлой, солнечной картины она изобразила черный силуэт покачивающийся на петле. Причем сама этого дополнения Элен не помнила. Она всегда рисовала в трансе. Но благодаря этим дорисовкам – Элен и стала знаменитой на весь Нью-Йорк.

– А зачем она ушла в монашки? Бабок вроде хватало, – не понимал Митч. – Я всегда думал, что монахинями становятся или некрасивые, или бедные, или те, кто в федеральном розыске.

– Суть в том, друг мой, что не все исчисляется в деньгах, – автомобиль уже успел покинуть спальный район, и на смену уединенным домам пришли многоэтажные здания.

– Способности Элен эволюционировали, – Фитцжеральд посмотрел на наручные часы и продолжил объяснения. – Вместо задушевных картин – она начала изгонять бесов.

– Как это? – понимая, что попадания в пробку не избежать, водитель не разгонял мотор «Jaguar».

– Просто. У каждого человека есть душа. В изобразительном искусстве Элен – душа должна соответствовать внешнему облику человека. Так вот у людей, в которых вселился, как говорят в народе, бес – душа и внешний облик непохожи друг на друга. Однако, когда Элен изображала эту нечисть на холсте – странствующая душа, которая мучила человека, оставалась жить на холсте, оставляя в покое человека. Она стала помогать людям, как она мне рассказал по секрету – одержимых по всей планете – тысячи. Сам Папа Римский благословил ее на эту должность, а она в свою очередь приняла религию, отказавшись от всего того, что было у нее: известность, богатство, талант.

– Чокнутая баба, – подчеркнул лейтенант, включая радио.

– Ты помешан на деньгах. Вот скажи – зачем тебе деньги?

– Купил бы крутую тачку.

– Хорошо, – согласился Фитцжеральд. – Есть у тебя крутая тачка, а дальше что?

– Потом дом, яхту, отель, нанял бы кучу слуг, купил бы свою футбольную, баскетбольную, хоккейную команды. Каждую ночь имел бы отборных цыпочек, затем занялся бы обучением – получил бы восемь высших образований. Занимался бы спортом, выучил другие языки, путешествовал бы по всему миру, снял бы про себя фильм, а лучше бы купил «Universal Studios» или «Warner Brothers Production», – на одном дыхании протараторил полицейский, будто ждал этого вопроса всю жизнь.

– А еще?

– Построил бы свой дом на крыше Empire State Building, автомобиль покрыл бы золотом, все свои внутренние органы заменил бы на младенческие, увеличил бы член, поставил золотой унитаз, а из крана всегда лилось бы мартини, а подтирался бы стодолларовыми банкнотами. Ну и последнее – дно своей яхты сделал бы из алмаза, чтобы видеть дно океана.

– Хорошо, – прервал его Фитцжеральд. – Верю – ты можешь быть богатым. Ты всему своему капиталу найдешь рациональное применение. В твоих предложениях я неоднократно слышал слова меценатство, борьба за экологию, поддержка детских домов и приютов для животных.

– Ты же был копом, – подметил Митч. – Все это лишь, для сокращения налоговых выплат.

В это время по радио прозвучало объявление:

– Основные силы армии Соединенных Штатов Америки, находившиеся в Ираке, отправлены домой. Страна чествует молодых героев, отдавших долг Родине и не испугавшихся противостоять ни террористам, ни бойцам исламского государства, помогающих горным боевикам…

– Смотри-ка, а жизнь налаживается, – объявил Митч и переключил радио.

* * *

Припарковав автомобиль, Фитцжеральд и Томсон зашли в один из многоэтажных домов. Электронные двери открылись на подходе за несколько метров.

– Чем могу быть Вам полезен, господа, – спросил худощавый администратор, находясь за стойкой.

– Вот это уровень, – оценил Митч, пропуская мимо ушей его обращение.

Помещение от входной двери до лифта было в золотисто-изумрудных тонах на стенах и с холодно-серым мрамором на полу. Администратор и швейцар, одетые в парадную униформу, стояли строго на отведенных им местах.

Пока напарники разглядывали входное помещение, администратор обратился снова:

– Извините…

– Мы из полиции, – вытаскивая значок, оборвал его Митч. – Лейтенант Томсон, а это мой напарник – детектив Фитцжеральд. Будьте добры, проводите нас, пожалуйста, к семье мистера Холла. Если не ошибаюсь, покойный работал в Северо-Восточном банке.

– Одну секунду, мне нужно уточнить удобно-ли миссис Холл принять Вас, – роботизированным голосом ответил администратор и начал было набирать номер квартиры вдовы, как Митч пришел в ярость.

– Что?! Удобно ли ей? Послушай меня ты, глиста прислуживающая. С тобой сейчас говорит заместитель начальника департамента полиции Нью-Йорка, – после подобного представления администратор, дрожащими руками положил трубку. – Звони прямо сейчас и говори, что мы пришли. Если окажется, что нет никого дома, тащи дубликат ключей. Минут через двадцать мы спустимся обратно – подготовь к этому времени видеозапись с 28 сентября. Именно в этот день мистер Холл совершил массовое убийство, расследование которого затягивают недоумки вроде тебя, – чуть понизив голос, Митч переспросил. – Я ясно выражаюсь?

– Да… – только и смог выдавить из себя парень.

– Номер квартиры?

– Семьсот семь.

Напарники направились к лифту. Фитцжеральд всегда ценил в Томсоне качество идти напролом. Его никогда не останавливали ни рамки закона, ни полицейская субординация, иногда даже прямые приказы вышестоящего руководства. В принципе благодаря такому характеру он и добился звания лейтенанта и должности заместителя начальника департамента.

Поднимаясь на седьмой этаж, между напарниками воцарилось молчание. Выйдя из лифта Фитцжеральд заявил:

– Ты псих.

– Я знаю, – поправляя воротник плаща, сказал полицейский. – И где-то даже смирился с этой участью.

Соблюдая все правила этикета, Алекс сделал три стука. Дверь открыла невысокая блондинка с голубыми глазами. По строгому стилю одежды, а на ней были одеты белая блузка и черная юбка, было видно, что она уже куда-то собиралась.

– Добрый день, – только и смогла вымолвить девушка. – Меня зовут Рейчел Холл. Вы по какому вопросу?

Напарники не могли подобрать слова, любуясь талисманом голубого топаза на шее девушки. Ее белая кожа, светлые волосы и даже этот амулет придавали ей особый шик.

– Мы из полиции, – наконец, вымолвил Томсон, снова доставая свой значок.

Они сидели в шикарной квартире с преобладанием золотого, голубого и белого цветов. Три уютных кресла были расставлены вокруг деревянного стола. Во время беседы девушка не смотрела на задающих вопросы, устремив свой взгляд в трескающийся от горящих дров камин.

– У нас очень долго не получалось зачать детей, – при разговоре, драгоценный камень и ее лазурные глаза приобрели одинаковый оттенок. – Он занимал неплохую должность в банке, у меня имеется ювелирный бизнес, да и родители у нас вполне состоятельные. Вообще, что касается нашей обеспеченности – денег у нас всегда хватало. Но, как говорится, не может быть все гладко в семье. Леонардо очень хотел сына, да и мне уже минул третий десяток. Дальше было бы тяжелее что-то предпринимать, если только усыновление. Хоть

он мне и не показывал, но это единственно, что беспокоило его в последние годы. Честно говоря, даже не представляю, что могло подтолкнуть Лео на все это, – рассказывая все это, ее глаза стали блестеть.

– Скажите, а что-либо менялось в вашем супруге в последнее время?

– Да. Я как раз подходила к этому. В последний месяц он часто задерживался на работе.

– Любовница? – прервал ее Митч, но на подобное резкое высказывание она отвечала так же мягко, как и говорила ранее.

– Нет, что Вы. Знаете каждая пара, когда еще начинают встречаться – уже знают, чем обернется их брак.

– Брак по расчету? – снова вступился Митч.

– Все браки по расчету. Кто-то рассчитывает на беззаботную жизнь в достатке, но с изменами своего богатого партнера, даже смирившись с этой мыслью в начале отношений. Кто-то рассчитывает на любовь с готовностью отдать все своему любимому, но с расчетом или хотя бы с надеждой на ответный жест от своего партнера. У нас же Леонардо все было идеально. И я уверена… Нет – я знаю точно – никого у него не было.

– Хорошо, миссис Холл, – оборвал ее Фитцжеральд. – Вы пытались выяснить причину его задержек на работе?

– Если честно, то нет. Боялась, что он подумает, что я не доверяю ему.

– Что даже на работу не звонили? – удивился Митч.

– Звонила один раз, но мне сказали, что он уже ушел. Это был первый и последний мой звонок в банк.

Алекс разложил три папки с делами, на обложке которых были фотографии совершивших взрыв:

– Скажите, а кто Вам известен из этих людей?

– Никто, – оторвавших от пылающего камина, она покачала головой, и снова уставилась на языки пламени.

– Хорошо, а как все-таки вел себя Ваш супруг в последнее время? – убирая фотографии, спросил детектив.

– Как я уже ранее говорила, нам никак не удавалось зачать ребенка. В принципе этот недуг нас беспокоил с момента нашего брака, а нашей совместной жизни уже семь лет. Он ходил мрачным, а в последние дни даже брался за виски. На мое предложение поговорить об этом, он натянуто улыбался и говорил, что все в порядке.

– Никаких зацепок, – констатировал лейтенант, вставая с кресла и направляясь к окну.

– Простите за резкость моего напарника, – доставая блокнот из внутреннего кармана плаща, сказал детектив. – Но не могли бы Вы нам показать комнату мистера Холла?

– Да, конечно, – отозвалась девушка.

– Квартира в действительности была обставлена шикарно. Зайдя в рабочий кабинет Холла, первое, что бросилось в глаза – это коллекция вещей древнегреческой культуры: амфоры, монеты, картины, статуэтки, книги, оружие.

– Неплохо, – смотря на меч греческого война, сказал Митч. – А он настоящий?

– Да, конечно. Пятый век нашей эры. Супруг так и ни разу не брал его в руки. Как привезли в стекле, так в этом футляре до сих пор и хранится.

Обыск уже подходил к концу, была запечатлена комната на камеру мобильного телефона в разных ракурсах, но ничего подозрительно не было найдено. Напарникам вновь приходилось смириться с проигрышем. Хотя Алекс верил всему сказанному хозяйкой дома, все же он предложил ей:

– Скажите, миссис Холл. Вам важно разобраться в произошедшей истории с Вашим супругом.

– Да. Я бы отдала за это многое, – искренне сообщила об этом девушка и заплакала.

– В таком случае предлагаю провести телепатический сеанс. Я не знаю – слышали Вы обо мне или нет, но я обладаю способностью телепатии, то есть чтения мысли. Однако просто так влезть в голову человека я не могу – мне нужно своего рода разрешение. Скажите, Вы согласны на этот сеанс. Еще раз повторюсь – это может дать много ответов даже на те вопросы, которые не задавались.

– Я согласна, – не колеблясь, ответила девушка.

Фитцжеральд считал этот дар, так же как свой дар его брат Сайман, и сверх способностью и проклятием. Процесс всегда начинался одинаково: они усаживались друг напротив друга, смотря глаза в глаза. Спустя минуту-две подобного

созерцания – клиент впадал в транс, оказываясь, будто внутри себя.

Между Фитцжеральдом и человеком, чьи мысли должны были быть раскрыты, всегда возвышались решетки, пройти которые детектив не мог без разрешения. Когда же воля человека ослабевала от переговоров и убедительных доводов (или как сам детектив называл подобные переговоры – ломкой воли) – решетки открывались. Как только он делал шаг за пределы решетки, то начинал погружаться в омут воспоминаний. Благодаря подсказкам детектива, находящийся в трансе сам приводил его в день и место определенного события, возможно даже не помня этих моментов.

– Рейчел, вспомни, каким был твой муж при жизни?

Волны воспоминаний бросали детектива в первый их день знакомства: солнечный осенний день, робкая девушка, стоящая у входа в аудиторию одного из нью-йоркских колледжей. На ней зеленая футболка и синие джинсы, к груди девушка прижимает учебник, только взятый из библиотеки.

Два парня в синих униформах, обозначающих цвета футбольной команды колледжа, чуть не сбивают ее с ног.

– Извини, пожалуйста. С тобой все в порядке? – обратился к ней один из футболистов.

– Нет, – застенчиво ответила девушка брюнету с карими глазами и обворожительной улыбкой.

– Еще увидимся, – он подмигнул ей и убежал.

– Да. Увидимся… – улыбка не сходила с ее лица. Она не

могла контролировать временное помешательство, пытаясь запомнить лицо симпатичного спортсмена.

Кадр воспоминаний сменился. Теперь они ехали на синем автомобиле марки «Toyota Celica» по ровной дороге, проходившей вдоль зеленого массива. Над ними по всему черному небу были рассыпаны алмазы звезд. От мрачности небесного полотна – светила становились еще ярче, освещая ненастную ночь.

– Как тебе моя тачка? – убавляя радио, спросил Леонардо.

– У моего отца «Mercedes» последней модели, – парировала Рейчел. – Поэтому не обольщайся. Куда ты меня везешь?

– Это сюрприз, любимая, – он снова улыбнулся.

Она сходил с ума от его улыбки. Если бы он даже был самым злым гением на планете, она все равно стала бы жертвой его улыбки.

Свернув на грунтовую дорогу, вскоре автомобиль остановился у озера. Близ темной глади воды уже горел костер, там же располагался белый стол с двумя стульями, свечи, вино, фрукты, два бокала и ничего лишнего. Фитцжеральд слышал звон бокалов, наполненных рубиновым вином, даже чувствовал аромат дышащего хвоей леса, в смеси с благоухающими нарезками на столе фруктов.

Затем всплеск эмоций, и кадр обручального кольца.

– Ты выйдешь за меня замуж, любимая?

Очередными слайдами воспоминаний стали свадебные обрывки, десятки поздравляющих их лиц, брачная ночь, ме-

довый месяц на каком-то острове. Яркие быстрые кадры сменились на серый фон. Жизнерадостный парень, который бил ключом энергии – иссяк.

– Лео, хочешь – просто поговорим? – обратилась Рейчел к сидящему у камина супругу. Он сидел на том же самом месте, где сейчас сидел сам Алекс. Казалось, он постарел лет на двадцать с момента последнего кадра воспоминаний. Он сидел, уткнувшись в газету. Так молодой человек вел себя в последнее дни жизни.

– Милый, не молчи! – вскрикнула девушка и начала рыдать. – Что с тобой происходит? У нас же все было замечательно! Скажи мне – ты меня любишь?

Молодой человек встал с кресла и направился в свой рабочий кабинет, не проронив ни слова.

Затем все воспоминания поблекли, оставив лишь черный фон. По центру этой черной пустоты, стоя на коленях, ревела хрупкая блондинка с голубыми глазами и талисманом топаза на шее. Фитцжеральд, опустившись к ней, обнял ее. Подобные сцены воспоминаний заканчивались в основном именно так. Раскаивающийся человек, изливающий свою душу страннику, зашедшему в гости к его рассудку, сознанию, мыслям.

– Чудо произошло после его смерти. Как только он скончался – я забеременела. Это действительно было чудом и иронией судьбы, – с каждым предложением она всхлипывала все громче. – У нас все было замечательно: любовь, сча-

стье, дом, деньги, престиж. Не хватало только ребенка. Теперь у меня есть все. Даже второе сердце, бьющиеся у меня в животе, а как долго мы ждали его… Но нет Лео. И почему он согласился на этот зверский поступок – мне до сих пор не понятно. Ведь Леонардо всегда был добр, всегда спокоен, всегда жизнерадостен. В общем, в последние дни жизни – это был не он. Такое ощущение, что его подменили. От него веяло холодом… Тело его – душа чужая.

Прозвучало последняя реплика, эхом повторяющаяся снова и снова: «Тело его – душа чужая». И лишь после этого Алекс и Рейчел вышли из транса, окончив телепатический сеанс.

Как всегда у Фитцжеральда после подобных процедур кружилась голова: «Еще минут пять и все пройдет», – убеждал он себя.

– Мистер Фитцжеральд, с Вами все в порядке, – обращение Рейчел, которая восстановилась гораздо раньше детектива, слышалось туманным и отдаленным, но разборчивым. – Может Вам что-нибудь принести?

– Да, – потирая виски, сказал Алекс. – Чего-нибудь сладкого и желательно чай с пятью ложками сахара. Пожалуйста.

Как выходила хозяйка из комнаты – он уже видел отчетливее. В то время пока Алекс наслаждался заваренным чаем с кексом, Митч разговаривал с капитаном Харрисом по телефону:

– Да… Все понял… Он пока не может говорить… Да…

Сейчас включим, – тут Томсон обратился к Рейчел. – Включите, пожалуйста, телевизор. Капитан нас хочет чем-то удивить.

– Хорошо, – повиновалась девушка.

– Включили, капитан, – ответил он опять в трубку. – Сейчас посмотрим и перезвоним.

Не дожидаясь ответа, Митч положил трубку. Как только включился экран, репортерша в зеленой куртке быстро, словно читая скороговорку, констатировала:

– Гудзон и раньше не славился своими экологически чистыми водами, но подобное аномальное явление в Нью-Йорке впервые. Тонны мертвой рыбы – подчеркну мертвой и непригодной для пищи – вынесло к берегам нашего города, – оператор вместе с девушкой репортером шли вдоль берега Гудзона, который кишел обездвиженными рыбами. Они не били плавниками, не стремились в воду, мертвые существа качались на поверхности воды или мертвым грузом находились уже на берегу. – Это не похоже на проделки браконьеров, – пятясь назад, она продолжила. – Впрочем, не было и никаких природных катаклизмом. Однако появились многие последователи идеи конца света. Террористические акты, унесшие тысячи жизней, мертвые существа – возможно даже в мертвой воде. Состав воды в реке Гудзон сейчас проверяют эксперты. Что же будет дальше? Раскол земли? Нашествие инопланетян? Отравление воздуха? Ни одна группировка, ни одна страна не признала своего участия в по-

добных явлениях и терактах. Возникает много вопросов, но главным из них является: почему именно Нью-Йорк? Мы будем вместе с Вами следить за происходящим и стараться моментально оповещать о новостях в городе. С Вами была Анна Джексон специально для «News».

Митч выключил телевизор и обратился к детективу.

– Эй, волшебник из страны Оз, ты пришел в себя?

Алекс кивнул головой, от чего она разболелась с новой силой.

– В таком случае настало время подключить все связи. Что-то неладное твориться в Датском королевстве.

* * *

Человек ростом около двух с половиной метра вышел из порта и направился в сторону небольших строений магазинов.

Гладиатор чувствовал неизмеримый прилив силы, будто солнечные лучи волнами накатывали его, погружая в золотой омут. В действительности все было именно так – огненный шар дарил свою последнюю порцию света, неспешно прощаясь с летом и, уходя ближе к закату осени. Но всю эту медно-янтарную красоту не видел наш герой. Для него все так же виделся огненный мир, только вместо бьющихся грешников, он видел мирно блуждающих покойников, но все же в рыжих цветах. Сам Гладиатор не понимал этого, да и

повязка, наброшенная на его глаза, была видна лишь тому, кто ее завязал ему.

Разлагающиеся тела, встречающиеся на его пути, оборачивались и устремляли на него свои взгляды. Он же шествовал, будто жил в этом мире всю свою жизнь, даже не обращая внимания на созерцателей.

«Как странно, – подумал он про себя. – Обычно я привык рубить их мечом, рассекать цепями, топтать останки копытами своего коня. Теперь я просто гуляю среди них. Почему они не дерутся? Ведь для этого сюда их согнали!»

Никто не мог приподнять повязку и показать всю красоту человеческого мира. Наверное, он походил на кого-то из нас – живущих в вечной борьбе, в вечной беготне и совершенно не замечающих простых радостей жизни.

Не чувствуя ароматов ни рыбной лавки, ни парфюмерного магазинчика, ни отбивной, только что приготовленной в летнем кафе, он шел мимо этих строений. Теплота, продолжала наполнять его живительной силой, но получая порции солнечной пищи, он не забывал о своей миссии.

Зайдя в оружейный магазин, на него сразу же обратили внимание. Несколько покупателей, точнее их спутниц, буквально пожирали его взглядом, открыв свой накрашенные рты. Вместо того, чтобы посмотреть арсенал огнестрельного оружия, как все современные покупатели, громила направился в отдел холодного оружия.

– Мистер, я могу Вам чем-то помочь? – спросил подошед-

ший консультант.

Но воин ада не слышал человека. Он видел перед собой разлагающийся труп, маячащий перед ним, размахивая руками. В ушах Гладиатора витала многовековая тишина, лишь изредка нарушаемая дуновением ветра, стонами жертв и обращением его господина.

– Если Вас интересует древняя культура, – продолжил консультант, так и не услышав ни единого слова от покупателя, – то у нас есть рыцарские доспехи, гладиаторские формы, одежды викингов. Из оружий в наличии мечи, топоры, так же стрелы с луками и щиты. Как ни странно, но Ваши размеры у нас тоже имеются. Обычно многие наши покупатели, кто интересуется древнегреческого или средневековой культурой берут эти доспехи для больших манекенов… Ну… Вы же сами понимаете, – подмигнул продавец. – Всех возбуждает все большое и накаченное. Скажите, а Вы каким видом спорта занимаетесь?

Пока консультант тараторил – Гладиатор одел на себя форму древнеримского легионера. Застегивая кожаные коричневые ремешки, он расправил плечи, от чего золотисто-пурпурная амуниция растянулась по всему могучему телу война.

– Сшит будто для Вас, – подметил продавец. – Оформить можно на кассе. Вы как будете расплачиваться? Наличными или картой?

Одев массивный шлем, он стал подбирать меч. Все они

казались слишком легкими и ненадежными для Гладиатора.

– Я с Вами полностью согласен, – продолжил мужчина. – Какой античный герой без меча. Все они из специального сплава титана и стали, очень легкие. С ними приятно устраивать сценки сражений. А если Вы берете для манекена, то видите, как они блестят на солнце – просто глаз не оторвать. Правда в наличие еще есть и настоящий гладиаторский меч, – он указал на оружие в стеклянном футляре. – Он в разы тяжелее данных экземпляров, но для коллекции просто шикарное приобретение. Сразу уточню, что на него скидка пять процентов, но стоит он полторы тысячи долларов… Я Вас понимаю, но уверяю Вас – дешевле не найдете во всем Нью-Йорке.

Гладиатор медленно одел колчан, забитый сотнями остроконечных стрел, на другое плечо навесил лук и, подойдя к стеклянному футляру с мечом, разбил хрупкое покрытие. Продавец хотел было сказать о стоимости стекла, но не успел. Одного взмаха мускулистой руки хватило, чтобы голова отлетела в сторону кассы.

Секундное молчание, и кто-то бросился за оружием, кто-то начал бежать к выходу. Но первый коснувшийся ручки двери был убит точным попаданием топора в голову. Пока хозяин оружейного магазина дрожащими руками пытался зарядить дробовик – Гладиатор искромсал всех посетителей и выжидал, когда покажется последняя жертва. В голове хладнокровного убийцы шел подсчет жертвам, которы-

ми нужно было пополнить преисподнюю. Как говорилось в древних сказаниях: «Тринадцать дней на исполнение миссии, или же очередная эпоха будет упущена…» Ему не был понятен смысл написанных строк, он даже не знал, кто написал их и для чего. Гладиатор был лишь молчаливым исполнителем воли своего господина.

Не поднимая головы, владелец магазина отстреливался из-за прилавка. Не слыша никаких звуков, кроме оглушающего выстрела собственного дробовика, он снова и снова перезаряжал оружие, продолжая полить во все стороны.

– Кто ты?! – вопил он, обнимая дробовик. – Что тебе нужно?

Ответов не последовало.

– Черт бы тебя побрал! Убирайся из моего магазина. Копы уже скоро приедут за твоей задницей.

Страх обессилил мужчину. Казалось, он даже смирился со своей участью и был готов встать для решающей битвы. Но ноги отказывались его слушать. Поэтому распластавшись на полу, он начал своего рода исповедь:

– Послушай меня ты, ублюдок! Ты и так уже устроил черт знает что в моем магазине… Запачкал кровью мой прилавок, например, убил лучшего… Нет не лучшего… Единственного помощника. А у Ральфа, между прочим, осталась больная мама, за которой он ухаживал. Надеюсь после того, как ты сядешь на электрический стул – ты сразу же попадешь в ад. Как бы там не было – тебе недолго осталось топтать землю.

Так вот я понимаю, что ты конченый ублюдок, причем на половину покойник. Но я не думаю, что моя смерть как-то тебя удовлетворит. Поэтому лучше бы ты просто проваливал… Если говорить про меня, то я, в принципе, не плохой парень. Да, я изменял жене – в принципе, как и все нормальные мужчины. Я вообще считаю, если мужчина ни разу не сходил налево – он не мужчина. За то я вырастил двух дочерей и отправил учиться в неплохой колледж. На свои деньги! Слышишь меня, засранец! Да я продавал несовершеннолетним оружие. Но они все равно купили бы их у уличных дилеров. И вообще пусть эти нигеры мочат друг друга – от них одни проблемы, мать их! Если честно, раз уж я стою лицом к лицу со своей смертью, то должен признаться, что спал с мужчиной… Но клянусь Богом мне не понравилось. А теперь, мать твою, я готов для решающей битвы. Только ты и я! – перезарядив дробовик, он встал во весь рост, но вместо убийцы увидел двух полицейских:

– Ну, то, что Вы спали с мужчиной, мистер, нам малоинтересно, – начал первый. – А вот продажа оружия несовершеннолетним – уголовно наказуемо.

– Да, мистер, и обращение «нигер», – очень обидное для афроамериканцев, – добавил второй чернокожий представитель власти.

* * *

Двери лифта только открылись, как напарников встретил все тот же худощавый администратор. Протягивая флешку, он произнес:

– Извините, нам проблемы ни к чему. Здесь видеозапись за тот роковой день.

– Премного благодарен, – сухо ответил Митч, вырывая пластмассовый носитель. Лейтенант хотел было добавить еще что-то, но Фитцжеральд поторопил его:

– У нас очень мало времени.

Красный «Jaguar», покоился на том же самом месте, где его и оставили. Митч нажал на кнопку открытия замка на ключах; отчего двери наоборот закрылись.

– Вот дерьмо, – он с улыбкой. – Я двери забыл закрыть.

– Это же не Бронкс и не Гарлем, где за три минуты грабят, угоняют и насилуют, – потирая виски от головной боли, Алекс добавил. – Да и тачка так себе для угона.

– Если не заткнешься, то до своего «Challenger» пойдешь пешком.

Они уселись в автомобиль. Митч настроил кресло так, что он практически лежа высказывал свои мысли.

– Два адреса – прогресса ноль. Что-то мне подсказывает, что два оставшихся тоже мало чем нам помогут. Но поехать нужно. Что Вы думаете, детектив.

– У тебя есть таблетки от головы?

– Нет, – закрывая глаза, ответил полицейский. – Если покопаться, то можно найти пять грамм кокаина. Но очень долго придется искать.

– Ясно. Тогда звони всем главарям и стукачам.

– У меня один итальяшка – правая рука Дона, один наемный убийца и представитель клана «Якудзы». И все они молчат, как рыбы.

– Лучше бы у тебя был знакомый из ФБР.

– У этих засранцев нет друзей. Поговаривают, что их жены и дети переодетые роботы.

– Ха-ха, – засмеялся Фитцжеральд, но очередная порция головной боли велела успокоиться.

Пока Митч поднимал водительское кресло и засовывал ключ в разъем зажигания – раздался звонок.

– Да, – сквозь боль проговорил Алекс.

– Мистер Фитцжеральд, – эмоционально объяснял подросток на другом конце линии. – Тут такое творится. Вы должны прямо сейчас приехать и посмотреть. Отвечаю – это по Вашей части…

Подросток в нескольких словах описал суть проблемы, на что детектив коротко ответил:

– Жди. Сейчас приедем, – положив трубку, он уже обратился к водителю. – На тридцать седьмой авеню прямо недалеко от департамента полиции живет мой техник. У него для нас очень важная информация. Как посмотрим у него запись

камеры видеонаблюдения, так с тобой и разделимся. Я еду в дом Митрич, ты езжай в дом Стигмана. Через три часа встречаемся в департаменте и подводим итоги.

– План действий мне нравится, – подтвердил Митч.

Вновь находясь в пробке, Алекс включил радио. Один из современных актеров зачитывал строки лорда Альфреда Теннисона:

Закат вдали и первая звезда,
И ясный дальний зов!
И пусть теперь у скал замрет вода;
К отплытью я готов.

Пусть медленно, как сон, растет прилив,
От полноты немой,
Чтобы безбрежность, берег затопив,
Отхлынула домой.

Пусть колокол вечерний мерно бьет,
И мирно дышит бриз,
Когда пройду последний поворот,
Миную темный мыс.

Развеется за мной, как морок дня,
Береговой туман,
Когда мой Лоцман выведет меня
В открытый океан.

– Не плохо, – согласился водитель. – Я так-то не любитель подобного дерьма, но очень даже неплохо. А кто читал-то?

– Джордж Клуни.

– Аааaа – это тот, который в «Одиннадцати друзьях Оушена» снимался?

– Он много где снимался: «Бэтмен и Робин», «Двенадцать друзей Оушена», «Скорая помощь», «От заката до рассвета», «Дети шпионов»…

– Ясно. А к кому мы едем-то?

– К Рону.

– К Рону? – удивился Митч. – К Рону Дженкинсу? Ооооо сейчас я оторвусь над этим мелким черномазым.

– Если бы не я, то он ушел или в банду, или стал бы наркодилером, или сел бы за решетку. Последний вариант очевиднее всего. Он же благодаря своим примочкам неоднократно помогал мне. Если бы не Рон – на раскрытие некоторых материалов ушло бы гораздо дольше времени. Я думаю отправить его в университет. Отучится на программиста и найдет нормальную работу.

– Ты прям Санта Клаус.

– Денег у меня хватает, а вот как таковой команды нет.

– У тебя есть психованный брат, который общается с трупаками, мелкий нигер, как я понял рубит в технике… Ну, и конечно, твой непосредственный руководитель, твой наставник, один из самых умных людей города «большого яблока» – Митч Томсон. Прошу без аплодисментов и поклонов.

Фитцжеральд снова засмеялся и в этот момент, казалось, замедлилось время. Он знал, что сейчас произойдёт. Вот уже последние три года после сеансов телепатии у него начинались галлюцинации. Каждый раз сознание детектива представляло ему очередную яркую реалистичную картину. Год назад при подобном припадке он чуть не убил Милену и сам чудом остался жив.

Сейчас он понимал, что находится не за рулем. Его логический разум противоборствовал с творческим сознанием. Но если Алексу ранее удавалось убедить себя в нереальности происходящего, то в последнее время он останавливался и досматривал всю фантазию потаенных уголков своего мозга до завершения.

Длинная река машин одновременно остановилась, прекратив хоровой вой сигналов, споров автомобилистов и работы сотен двигателей. Словно по одной команде все водители вышли из своих транспортных средств и, развернувшись, направились в сторону «Jaguar».

– Запри машину, пожалуйста.

– Что? – удивился Митч. – Зачем?

– Просто сделай, о чем я тебя прошу.

Томсон и так считал всю семью Фитцжеральдов психами, в прочем, как и добрую половину Нью-Йорка. Узнав же о галлюцинациях детектива, это было бы его настоящим торжеством.

Защелкнули замки автомобильных дверей. Люди сначала

покачивающейся толпой окружили автомобиль. Они походили на безмозглых зомби, о которых так много снимали кинолент. Впрочем, подобная тематика кинематографа и непосредственно жанра ужасов ему никогда не нравилась. Однако, когда оказываешься на месте главного героя, окруженного тысячами разлагающихся тел, причем запах смрада, нагонял ужаса больше, чем сами зомби, волей-неволей соглашаешься, что это страшно.

Страх… Чувство, придуманное нашим мозгом, чтобы сохранить в целостности наш организм. Правда иногда это чувство разрастается до такой степени, что мозг дает сигнал телу о самоликвидации. И сейчас разум Фитцжеральда начинал подавать хоть и слабые, но чувствительные сигналы о самоубийстве:

«Ты же не хочешь стать таким же? – спрашивал он себя. – Действительно – лучше смерть, чем быть ни живым, ни мертвым. Но не стоит забывать – все происходящее просто обман. Ничего нет. Да! В Нью-Йорке прогремело несколько взрывов, но они не могли привести к подобному. Зомби – это только сказочные персонажи. Наверное, будет точнее сказать кино-персонажи. Причем после выхода «Обитель зла» и «28 дней спустя» ничего хорошего на тему ходячих мертвецов на экран не выходило».

Пока Фитцжеральд объяснял все это своему разбушевавшемуся сознанию, плотное кольцо разлагающихся трупов сомкнулось. Некоторые безмозглые представители начали за-

биратьсяна капот «Jaguar», биться головами о стекла, дергать ручки дверей.

– У тебя стекла бронированные? – как ни в чем не бывало, он спросил у водителя.

– Конечно, – с серьезным тоном ответил Митч, прибавляя радио литературы:

«Как тяжко мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей…

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат…
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.

Мертвец весь день труди́тся над докладом.
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабрезный анекдот…

Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью
Прохожих, и дома, и прочий вздор…
А мертвеца – к другому безобразью
Скрежещущий несет таксомотор…»

Зомби вырывали свои глаза, размазывая их по лобовому

стеклу, ключами от автомобиля резали свое горло, от его былого спокойствия не осталось ничего.

– Ты какой-то странный, – подметил Митч.

– С чего ты взял? – сквозь зубы проговорил детектив.

– Ну, не знаю. Бледный какой-то, смотришь в одном направлении, глупые вопросы задаешь.

– Какие глупые вопросы?

– Ну, типа бронированное стекло у меня или нет. Дружище, откуда у меня бронированное стекло?

Как только Митч произнес эти слова – лобовое стекло начало трескаться от бесчисленных ударов покойников. Одни раскачивали автомобиль, другие, ломая свои конечности, бились об окна.

«Боже мой, когда все это кончится?»

– Голова перестала болеть? – спокойный тон голоса Митча придавал уверенности.

«Вот бы хоть на секунды он увидел то, что вижу я. Послушал бы я, как изменился его голос».

– Да, прошла, – прижимаясь к креслу, сказал пассажир.

В лобовом стекле образовалась дыра, сквозь которое один из полу покойников старался дотянуться до жертвы внутри автомобиля. Алекс еще сильнее вдавился в кресло. Из разлагающейся руки сползали черви и падали на плащ детектива. У Фитцжеральда пересохло во рту, сильно зажмурив глаза, по их открытию он рассчитывал, что весь кошмар закончится. Нервно оттряхивая от себя червей, он, наконец, привлек

внимание напарника:

– Да, что с тобой, мать твою?!

– У меня галлюцинации, – начал пояснение, детектив, чуть-ли не падая в обморок. – После телепатических сеансов, что-то случается с моим сознанием. Возможно перенапряжение. От всего этого мне начинают мерещиться различные картины, каждый раз новая сцена. Но все они вызывают у меня страх.

– Ты псих, – также спокойно, сказал Томсон. – Ну, а что ты сейчас видишь?

– Будто зомби окружили нашу машину, – приглушенным голосом объяснял пассажир. – Один из них разбил окно и тянет свою сгнившую руку к моему горлу.

– Хах, – усмехнулся Митч. – Зато, какая экономия на кокаине. Ха-ха-ха.

– Если честно, то не очень смешно.

– Хочешь – я остановлюсь, и ты пересядешь на заднее сидение?

– Заднего окна тоже практически нет. Двое зомби раскромсали остатки стекла.

– Со стороны звучит весело, – улыбка не сходила с лица лейтенанта, но он все же оглянулся посмотреть, что творится на заднем сидении.

Окна были на месте, никаких ходячих мертвецов, даже кожаные кресла цвета вареного молока оставались незапачканными.

– Я сегодня уже говорил, что ты псих?

– Раза два точно… – жуткая головная боль не дала закончить мысль, и детектив разразился в зверином крике. – АААААААА!!!!

Возможно, на сегодня это и было концом галлюциногенным кошмарам. Тонкая ультразвуковая сирена затмила страх и реальность. Слуховые перепонки вот-вот должны были лопнуть, но каким-то образом противный звук становился все тише и тише. Словно поезд со своим стуком рельс уносился вдаль.

– Дружище, с тобой все в порядке? Алекс? Ты слышишь меня?

Фитцжеральд выдохнул и, открыв глаза, увидел все тот же осенний Нью-Йорк без ходячих мертвецов, без опустелой череды автомобилей.

– Прошло? – переспросил Томсон.

– Да прошло, – моргая глазами, ответил пассажир. – Вопрос в другом – надолго ли?

* * *

– Этот сапляк живет в этом доме? – удивился Томсон, захлопывая дверь автомобиля.

Фитцжеральд, поправив шляпу, коротко ответил:

– Да.

Уединенный двухэтажный дом располагался недалеко от

департамента полиции. Мраморная лестница, узорчатый забор из железных прутьев и обшивка из красного кирпича – говорили о дороговизне здания.

На звонок в дверь никто не ответил:

– Да где этот засранец? – нервничал Митч. – Нам еще по двум адресам кататься.

– Наверное, в подвале, – вынимая мобильный телефон, сказал детектив и на немой вопрос Мтича лишь добавил. – Сейчас сам все увидишь… Да, Рон, слышишь меня?.. Мы приехали и ждем у дверей.

– Шевели своим черным задом! – крикнул в трубку напарник.

– Скажи честно, Митч, как ты меня называешь за спиной?

– Нудным англичашкой.

– Хм… А если бы ты не знал моих великобританских корней, то какой прозвище придумал бы?

– Просто «нудный». В крайнем случае, с добавлением «задница».

– Справедливо. Спасибо, что честно признался.

– Да ты обращайся, дружище… – чуть помолчав, лейтенант спросил. – Алекс, а правда, что пятьдесят процентов англичан – голубые?

Детектив положил ему руку на плечо и сказал:

– Правда.

В дверях показался чернокожий подросток в оранжевой толстовке с капюшоном и в зеленых спортивных штанах. Од-

нако не яркая одежда была самой заметной во внешности худощавого парня, а его прическа с дредами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.